

День поэзии серебряного века

Аня Юрлова

номер ответственного 8(964)712-26-20 - Дашка

Цель:

- 1) Рассказать об основных особенностях серебряного века литературы: направления, причины и последствия. Показать тяжелые судьбы поэтов серебряного века, истории их жизней, взаимоотношения друг с другом. Показать влияние жизни поэта на его творчество. На примере личных историй поэтов показать, почему поэзия серебряного века была именно такой
- 2) Показать, что для поэзии нет единого стандарта и шаблона, и любое стихотворение может считаться произведением искусства

Атмосфера:

Мы находимся во второй половине 20 века, серебряный век уже закончился.

Дети и их инструктора (на первые этапы) – работники издательства, которые на данный момент занимаемся созданием сборника посвященному поэзии серебряного века и его самым “ярким” представителям.

Расписание:

- 17:15 Добро пожаловать в дом поэтов
17:20 Дом поэтов
18:00 Работа над книгой
18:20 Дневник поэта
18:30 Поэтический вечер символистов
18:50 Воспоминание 1
19:05 Воспоминание 2
19:20 Поэтический вечер акмеистов
19:30 Ужин
20:00 Продолжение поэтического вечера акмеистов
20:15 Воспоминание 3
20:30 Воспоминание 4
20:45 Поэтический вечер футуристов
21:10 Воспоминание 5
21:30 А что стало с серебряным веком?
21:40 Отрядная свечка
22:20 Общая свечка
22:50 ВЛГ
23:00 Отбой

17:15 Заставка

НЕ ИГРАЕШЬ

В заставке узнаем, что мы находимся в 1950 году, мы работаем в книжном издательстве и делаем выпускаем книгу про серебряный век. Мы приехали в дом поэтов в Санкт-Петербурге. В этот дом съехались различные литературные критики, любители и родственники поэтов, с которыми можно пообщаться.

ЗАДАЧА ИНСТРУКТОРА: У инструктора на руках находится 3-4 экземпляра книг и афиш. После заставки, инструктор и дежурный командир делят отряд на три группы, каждой группе по книге и афише.

17:20 Дом писателей

ДЕЛИМ ОТРЯДЫ НА ТРИ ГРУППЫ, КАЖДОЙ ДАЕМ АФИШУ, РУЧКУ И КНИЖКУ

Дети ходят по усадьбе в свободном режиме

СТАНЦИЯ	МЕСТО	ЧЕЛОВЕК
Предпосылки СВ	комната на втором справа от лестницы	Катя Ф
Модерн не в поэзии	комната справа от входа в мал холл	Маша Г
Литература до	средняя организаторская	Ваня С
Символизм	самая правая организаторская	Таняша Л

Акмеизм	комната с печкой	Поля М
Футуризм	Справа от выхода из туалета	Майя К
Влияние на другое	самая левая организаторская на втором	Нина К и Сережа И
Знаковые места	отрядная на втором	Аня Л

ОФОРМЛЯЕШЬ ВЕЧЕР СИМВОЛИСТОВ И СМОТРИШЬ ЗА ДЕТИШКАМИ

18:00 Работа над книгой

Сидишь с детьми, обсуждаете все пройденное (в приложении к памятке лежит вся инфа к этому этапу про серебряный век

Отправляешь детей к поэтам, а ты идешь к своей закрепленной комнате:

Справа от входа в маленький холл (если идти из столовой)

ОТРЯД 1 (отряд Игоря и Рони)	ОТРЯД 2 (отряд Антона Н и Тани)	ОТРЯД 3 (отряд Антона Т и Ани)
Гиппиус - Катя Ф <u>Декадент. символизм</u> (комната на втором этаже, справа от лестницы)	Цветаева - Аня Л <u>Вне направлений</u> (отрядная на втором этаже)	<u>Есенин</u> - Сережа И <u>Крестьянство, имажинизм</u> (второй этаж, самая левая, оргов)
Ахматова - Поля М <u>Акмеизм</u> (комната с печкой)	<u>Гумилев</u> - Антон Н <u>Акмеизм</u> (справа от входа в мал.холл)	<u>Мандельштам</u> - Игорь <u>Футуризм, акмеизм</u> (Справа от выхода из туалета)
<u>Маяковский</u> - Стас <u>Футуризм</u> (детская комната на втором, слева от лестницы)	<u>Северянин</u> - Макс Б <u>Эго-футуризм</u> (второй этаж, самая правая оргов)	<u>Блок</u> - Антон Т <u>Символизм</u> (второй этаж средняя, оргов)

18:20 Дневник поэта

Переодеваешься в критика и идешь в большой холл (Столовая)

18:30 Поэтический вечер символистов

После события надо собрать всех своих детей в отрядной. Обсуждаете биографии поэтов, которые НЕ прикреплены к отряду (АКМЕИЗМА И ФУТУРИЗМА ЕЩЕ НЕТ)

Роня: Цветаева, Маяковский, Ахматова, Есенин, Мандельштам, Блок

Таня А: Гиппиус, Северянин, Гумилев, Есенин, Мандельштам, Блок

Аня Ю: Цветаева, Маяковский, Ахматова, Гиппиус, Северянин, Гумилев

(ВСЯ ИНФ В ПРИЛОЖЕНИИ К ПАМЯТКЕ)

ЧТО ТАКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ:

В течение дня нас ждет 5 “воспоминаний” с перерывами на поэтические вечера (общий этап).

Что такое “воспоминание”? Воспоминание - это квест с моментом из жизни этого писателя, который мог повлиять на него. Все пять квестов идут с взрослением поэта (от детства до смерти, например).

Формат всех квестов:

Поэт завязывает детям глаза, начинает рассказывать про какое-то событие в своей жизни, читает стихотворение, которое он написал переживая этот период в своей жизни (ПРИМЕР: Мне было 10 лет когда я переехал в другой город, тогда я написал этот стих). Начинаешь его читать.

После идет погружение в мир, вы дочитывает стих, открывает детям глаза.

Играем в квест.

Отводим детей обратно в комнату, рассказ от первого лица где рассказывается реальный конец это события в жизни писателя.

Начинаем читать про следующее воспоминание.

Механики для квестов:

1. ВЫБОР

С самого начала, когда дети еще с закрытыми глазами, ты вводишь их в атмосферу, нужно определить кем дети являются в мире. Они тоже становятся игровыми персонажами, тусуются вместе с поэтом, он просит у них помощи, спрашивает мнение в решении вопросов

2. МИР

Атмосферный мир, в котором что-то происходит, они отыгрывают атмосферу (если это бал - они танцуют на балу), наблюдая за жизнью писателя, могу с ним общаться, но призывать его делать что-то не получится, он действует по сценарию. Они могут делать что-то не связанное с историей поэта (допустим, помогать в чем-то).

3. СЛОВЕСКА

Это прописанная словесная игра, где дети могут говорить, принимать решения, что делать дальше, участвуют в происходящем и тд. Обычная словесная игра.

18:50 Воспоминание 1

Оформление будущих квестов

19:05 Воспоминание 2

ИГРАЕШЬ В КВЕСТЕ ЕСЕНИНА (СЕРЕЖИ ИВАНОВА)

19:05 Воспоминание 2

Играешь: женщина символика

Квест группа: Сергей Есенин (Сережа Иванов), Роня (твоя подруга, тоже символика)

Место: Отрядная нп втором этаже

Дети: Культурные люди

Краткое описание: К вам вбегают пьяненький Есенин, читает стихи, вы говорите, что сам он ничего, но стихи говно полное, он уходит, все

19:20 Поэтический вечер акмеистов

СОБЫТИЕ: Поэтический вечер в “Цехе поэтов” Николая Гумилева

ВЫСТУПАЮТ: Ахматова (Поля М), Гумилев (Антон Н), Мандельштам (Игорь М)

(ТОЛЬКО СОБЫТИЕ)

(ИНФ В ПРИЛОЖЕНИИ К ПАМЯТКЕ)

19:30 Ужин

Приятного аппетита!!!

20:00 Продолжение поэтического вечера акмеистов

КРИТИКИ: Обсуждают два прошедших события поэтов своего отряда (вся инф в приложении к памяткам)

Аня Ю: Есенин, Мандельштам, Блок

ОТПРАВЛЯЕМ ДЕТЕЙ:

Гиппиус (комната на втором этаже, справа от лестницы)	Цветаева (отрядная на втором)	Есенин (второй этаж, самая левая, оргов)
Ахматова (комната с печкой)	Гумилев (Лаборатория)	Мандельштам (комната с печкой)
Маяковский (детская комната на втором, слева от лестницы)	Северянин (столовая)	Блок (второй этаж, средняя, оргов)

20:15 Воспоминание 3

ИГРАЕШЬ В КВЕСТЕ У ГУМИЛЕВА (АНТОН НИКОЛАЕВ)

поэт: Николай Степанович Гумилев

Квест группа: Аня Юрлова, Таня Андреева

Место: Чум

Дети: друзьяшки Гумилева

Краткое описание: Вы с Таней просто танцуете африканские танцы аборигенов, к концу квеста приходит Гумилев с детьми, они пытаются с вами общаться, но вы их не понимаете, поэтому делаете всякую дичь: танцуете с ними, рисуете костер и бла бла бла

20:30 Воспоминание 4

КВЕСТ АННЫ АХМАТОВОЙ (ПОЛЯ М)

В конце квеста ты и Таня играете плачущих в очереди девушек у **ворот!** Одна из вас узнает, что Поля М поэтесса и спрашивает: а это вы описать сможете?

20:45 Поэтический вечер футуристов

СОБЫТИЕ: Дуэль за звание Короля Поэтов

ВЫСТУПАЮТ: Северянин (Макс Б), Маяковский (Стас), Крученых - актер (Таняша Л), Бурлюк - актер (Ваня С)

КРИТИКИ: Обсуждают два прошедших события поэтов своего отряда (вся инф в приложении к памяткам)

Идешь, можешь обсуждать с детьми других поэтов, кричать что-то (если прописано в вечере). **ВСЯ ИНФ. В ПРИЛОЖЕНИИ К ПАМЯТКЕ**

Аня Ю: Есенин, Мандельштам, Блок

ОТПРАВЛЯЕМ ДЕТЕЙ:

Гиппиус (комната на втором этаже, справа от лестницы)	Цветаева (отрядная на втором)	Есенин (второй этаж, самая левая, оргов)
Ахматова (комната с печкой)	Гумилев (Лаборатория)	Мандельштам (комната с печкой)
Маяковский (детская комната на втором, слева от лестницы)	Северянин (столовая)	Блок (второй этаж, средняя, оргов)

21:10 Воспоминание 5

КВЕСТ ЗИНАИДОЙ ГИППИУС

поэт: Зинаида Николаевна Гиппиус

Квест группа: Аня Юрлова, Таня Андреева

Место: Комната Гиппиус (второй этаж, детская, справа от лестницы), Склад (Лаборатория с коробками), улица

Дети: люди, которые хотят эмигрировать

Краткое описание: Октябрьская революция, многие покидают страну, вот и вы решили незаконно пересечь границу, отправиться в грузовом поезде во Францию... Ты там жестоко умрешь

21:30 А что стало с серебряным веком?

Атмосферный вывод о том, как умер поэт, о его тяжелой судьбе, о конце серебряного века (мы считаем, что после смерти Маяковского в 1930), о конце серебряного века. Ведешь детей в их отрядную, собираете всех детишек, читаете атмосферный вывод.

21:40 Отрядная свечка

22:20 Общая свечка

22:50 ВЛГ

23:00 Отбой

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПАМЯТКЕ

ВЕЧЕР СИМВОЛИСТОВ

Событие (вечер символистов)

Где проходит: литературный салон в «Доме Мурузи», доме Гиппиус и Мережковского

Что происходит: Гиппиус декларирует принципы литературного направления символизма, читает свои стихи и стихи ее мужа, представляет публике молодого писателя Александра Александровича Блока, которого называет «молодым символистом». Тот читает свои стихи из сборника «О Прекрасной даме».

- Проходит в столовой, где подняты столы, скамейки можно поставить как во время концерта-экспромта, передняя часть – сцена, на которой выступают Гиппиус и Блок

Примерный сценарий:

1. Поэты собираются, рассаживаются, общаются и здороваются друг с другом. Выходит Гиппиус и декларирует: «Дорогие гости и друзья! Сегодня не совсем обычный день. Впрочем, многие из вас, молодых поэтов, тут никогда и не были. Обычно мы собираемся тут узким кругом, вместе с моим мужем, Дмитрием Мережковским, читаем наши стихи, обсуждаем поэзию и все, окружающее нас. Однако сегодня мы не будем читать старые стихи Вейнберга, Жемчужникова, Фета, Тютчева, Огарёва. Думаю, все мы ощущаем упадок в русской литературе. Пушкин, Лермонтов, Гоголь – они создали ее, но сейчас вся наша поэзия опошлена до невозможности. Несомненно, что в России были истинно великие поэтические явления. Но вот вопрос: была ли в России истинно великая литература, достойная стать наряду с другими всемирными литературами? Все эти эфемерные литературные кружки были слишком непрочны, чтобы в них произошло то великое историческое чудо, которое можно назвать сошествием народного духа на литературу. По-видимому, русский писатель примирился со своей участью: до сих пор он живет и умирает в полном одиночестве. Есть еще остров гражданский, Некрасова и "Отечественных записок".

Русская литературная критика, за исключением лучших статей Белинского, Григорьева, Страхова, отдельных очерков Тургенева, Гончарова и Достоевского, гениальных заметок, разбросанных в письмах Пушкина, всегда являлась силой противонаучной и противохудожественной. Куда бы мы ни уходили, как бы мы ни прятались за плотину научной критики, всем существом мы чувствуем близость тайны, близость океана. Никаких преград! Мы свободны и одиноки! "Мысль изреченная есть ложь". В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце, чем то, что выражено словами. А то, что сказано, произнесено, изречено – уже не так чувственно, глубоко, приближенно к настоящему искусству. Как вы знаете, во Франции сейчас зарождается новое литературное направление. Направление построено на новых столпах, нежели реализм. Теперь преобладает мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности. Символ выливается из глубин духа творца.

Сейчас я прочитаю свое новое стихотворение. Итак, Посвящение.

Посвящение

Небеса унылы и низки,
Но я знаю – дух мой высок.
Мы с тобой так странно близки,
И каждый из нас одинок.

Беспощадна моя дорога,
Она меня к смерти ведет.
Но люблю я себя, как Бога –
Любовь мою душу спасет.

Если я на пути устану,
Начну малодушно роптать,
Если я на себя восстану
И счастья осмелюсь желать, –
Не покинь меня без возврата
В туманные, трудные дни,
Умоляю, слабого брата
Утешь, пожалей, обмани.

Мы с тобою единственно близки,
Мы оба идем на восток.
Небеса злорадны и низки,
Но я верю – дух наш высок.

Аплодисменты

Гиппиус: Каждый символ, каждое слово, каждая ценность начинается за собой целую цепочку новых ценностей, приводящих к идеальной ценности.

Критик 1: Вся ваша надмирность, манерность, духи и туманы абсолютно фальшивы, выдуманы и созданы вами лишь для того, чтобы заработать известность!

Гиппиус: Для вас, таких псевдокритиков и псевдопоэтов, мой муж написал, с моей помощью, конечно, стихотворение «Поэту».

Не презирай людей! Безжалостной и гневной
Насмешкой не клейми их горестей и нужд,
Сознав могущество заботы повседневной,
Их страха и надежд не оставайся чужд.

Как друг, не как судья неумолимо-строгий,
Войди в толпу людей и оглянись вокруг,
Пойми ты говор их, и смутный гул тревоги,
И стон подавленный невыразимых мук.

Поймешь ты красоту и смысл сущ-ствования
Не в упоительной и радостной мечте,
Не в блесках и цветах, но в терниях страдания,
В работе, в бедности, в суровой простоте.
И, жаждущую грудь роскошно утоляя,
Неисчерпаема, как нектар золотой,
Твой подвиг тягостный сторицей награждая,
Из жизни сумрачной поэзия святая
Польется светлою, могучею струей.

Аплодисменты

Критик 2: Bravo, bravo! И ведь согласитесь, что русская литература уже давно заждалась нового направления. И ведь по сути, реалисты Чехов, Толстой и Достоевский уже давно чувствовали силу символа!

Гиппиус: Господа! Не особо мы нуждаемся и в похвалах! Мы еще не закончили – сейчас я хотела бы, по настоянию моего мужа, представить вам молодого поэта, тоже символиста, Александра Александровича Блока.

Блок: Дело идет о том, о чем всякий художник мечтает, – "сказаться душой без слова". Потому для выполнения той трудной задачи, какую беру на себя, – для отдания отчета в пройденном пути и для гаданий о будущем, – я избираю язык условный, наполненный символами; и, так как я согласен с основными положениями и методами вашими, Зинаида Николаевна, и вашему мужу. Сейчас прочитаю одно из моих стихотворений:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Всё будет так. Исхода нет.
Умрешь – начнешь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Критик 1: Как Вы думаете, что бы сказал Александр Сергеевич покойный об оном Блоке? Боюсь, что очень матерно, не взирая на то, что сей "печальный глупец" совсем не лишен дарования!

Гиппиус: Мы верим, что новое искусство изменит наш мир, нашу страну, наших людей, наших малоуважаемых критиков. Мы намного ближе к идеалу, чем реалистическое искусство! А теперь у вас есть время почувствовать себя важными хотя бы на пару часов, дорогие молодые поэты! Обсуждайте, сплетничайте!»

Примерный текст критика: Друзья, мы с вами сейчас находимся, можно сказать, в эпицентре событий русской литературы. Последний раз, когда кто-то создал такое значимое направление, был почти 70 лет назад! Я воздержусь от своего личного мнения по этому вопросу, пусть все происходящее тут и очень неоднозначно, но вам точно стоит запомнить этот вечер. Можно сказать, Гиппиус, Мережковский, Парнок и другие символисты перевернули нашу литературу, которая уже давным-давно абсолютно реалистическая. В реализме важнейшим принципом было воспроизведение реальности в типичных чертах. Теперь же на страницы наших поэтических журналов и сборник возвращается идеал как высшая цель литературы, а символ, по их мнению – путь к идеалу.

Сегодня здесь много поэтов, помимо тех, с кем вы пришли. Давайте расскажу вам про них. Пусть многие из них еще молоды, но они уже очень интересны, и я точно уверен, что за ними будущее.

Владимир Маяковский

Маяковский родился в июле 1893-го года, в Багдати, где живут грузины. Его отцом был потомственный казак-дворянин, а мать украинкой. Первый язык, который Маяковский освоил, был грузинским. Как говорил сам Владимир, он родился на стыке трех культур (казахьей, украинской и грузинской). У Маяковского было две сестры – Людмила и Ольга и два брата, умерших в раннем возрасте.

В 1902 Маяковский поступил в гимназию, где вел революционную деятельность (участвовал в демонстрациях, изготавливал листовки, вел агитацию). Маяковские переехали в Москву. Тогда же Владимир стал впервые пробовать себя в литературе, восхитившись большим городом и другой жизнью.

В 1908-м году Маяковский вступил в подпольную партию большевиков. Занимался агитационной работой из-за чего не раз задерживался, но все разы был отпущен. Однако, пока содержался в тюрьме, устраивал постоянные «скандалы», поэтому Маяковского часто переводили из тюрьмы в тюрьму. В тюрьме исписал целую тетрадку стихотворениями. **Владимир – достаточно экспрессивный, бунтующий поэт, что заметно в его стихах – необычных, цепляющих, для меня странноватых.**

Анна Ахматова (Горенко)

Анна Ахматова родилась в 1889 году под Одессой в семье потомственного дворянина, отставного инженера-механика флота Андрея Горенко. Отец боялся, что поэтические увлечения дочери опозорят его фамилию, поэтому еще в юном возрасте будущая поэтесса взяла себе творческий псевдоним — Ахматова. Она взяла его в честь своей прабабушки-татарки.

Детство Анны Ахматовой прошло в Царском Селе. Как вспоминала поэтесса, читать она научилась по «Азбуке» Льва Толстого, по-французски заговорила, слушая, как учитель занимался со старшими сестрами. Свое первое стихотворение юная поэтесса написала в 11 лет. Она получила прозвище «дикая девочка», потому что ходила босиком, бродила без шляпы и т.д., бросалась с лодки в открытое море, купалась во время шторма.

Ахматова училась в Царскосельской женской гимназии «сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно». В 1905 году она была на домашнем обучении. Семья жила в Евпатории — мать Анны Ахматовой рассталась с мужем и уехала к южному побережью лечить обострившийся у детей туберкулез. В следующие годы девочка переехала к родственникам в Киеве — там она окончила Фундуклеевскую гимназию, а затем записалась на юридическое отделение Высших женских курсов. **С детства Ахматова-Горенко была не очень обычным ребенком, но росла в довольно хороших условиях. Ее мать-одиночка показала ей силу женщины, отчего в ее поэзии так много красивой женственности и женской силы. Каждый любовный роман оказывал на Ахматову большое влияние, сейчас, говорят, у нее есть что-то с Гумилевым.**

Игорь Северянин (Лотарев)

Игорь Васильевич Лотарев родился в 1887 году. Он родился в семье военных инженеров Лотаревых. Ранние детские годы будущего поэта прошли в Петербурге. Семья его была культурная, мать с отцом любили литературу и музыку, особенно оперную. Потом родители разошлись в детстве мальчика, и папа увез его на север, жить с бабушкой. Говорят, что именно поэтому Игорь взял свой псевдоним, а север России покорила поэта своей красотой, суровостью.

Северянина долго не печатали, что, безусловно, сказалось на творчестве Игоря. Оно стало необычным, более экспрессивным. Любовь к опере и театру в детстве помогло Игорю стать более открытым на сцене, поэтому он стал одним из лучших ораторов среди молодых поэтов.

Марина Цветаева

Родилась Марина в 1892 году, став одним из самых молодых поэтов современности. В день ее рождения христиане отмечают праздник памяти одного из 12 апостолов, на что она не раз обращала внимание на это обстоятельство. Мама Марины – Мария Мейн, профессиональная пианистка, вместе с ней девочка училась музыке, откуда в ее стихах много музыкальности. Много времени девочка прожила с мамой за пределами России, поэтому в совершенстве владела не только родным языком. Она училась в Германии, Швейцарии, Франции.

Родители Цветаевой были достаточно жесткими и строгими, в доме было много запретов. Поэтому ее манит что-то новое, запрещенное. Ей интересно современное искусство, она восхищается известными поэтами, в том числе Гиппиус, Мережковским, и даже еще молодым Блоком. **Марина Цветаева была воспитана достаточно строгими родителями, которые, тем не менее, привили ей любовь к искусству. Она росла достаточно романтической девушкой, увлекающейся и немного легкомысленной, что проявляется и в ее стихах.**

Зинаида Гиппиус

Род Гиппиусов ведет свое происхождение от немца, который открыл первый в России книжный магазин. Все детство ее семья провела в переездах. Ее отца постоянно переводили – Тула, Саратов, Харьков, Петербург, потом у него нашли туберкулез и отправили на юг лечиться.

Зинаида не смогла нигде нормально учиться, поэтому пришлось вести домашнее обучение, из-за чего девочка долго была в себе и увлеклась стихосложением. **Потом и у нее нашли туберкулез, что приковало ее к постели, где она и часами занималась творчеством. Еще в ранней юности Зина начала вести дневники и писать стихи – сначала шуточные, пародийные, на членов семьи.**

Гиппиус была молода и красива, привлекая большое количество мужчин, которым, в большинстве, отказывала. Заинтересовал ее только один, ее будущий муж – Дмитрий Мережковский. Без него все ее идеи остались бы только словами, а он бы без нее замолчал. Бывало, что под фамилией Мережковского публиковались статьи, написанные Зинаидой Николаевной. **Она привнесла в унылую литературную жизнь русских писателей новую жизнь, экспрессию, новые идеи, стала привлекать внимание, стараясь добиться публикации стихов, из чего и вырастает ее стиль – глубокий, но прямолинейный, прогрессивный и вызывающий.**

Николай Гумилев

Детство поэта проходило в Царском селе. **Он часто болел, поэтому родители часто следили, чтобы он бывал на свежем воздухе.** Это привило молодому поэту любовь к природе, прогулкам и путешествиям. В Петербурге он прочитал уйму приключенческих романов, занимаясь, в основном, не учебной.

Дальше он уехал на юг, где влюбился и в другие стихии – в море, горы, а потом там встретил юную Анну Ахматову, которая не отвечает ему взаимностью. Отношения с молодой поэтессой пока ведут непонятно к чему, но подобный творческий союз может быть очень полезен для стихов обоих, как союз Гиппиус и Мережковского, например. **Гумилев называет себя конквистадором: путешественником, захватчиком. Он посетил уже несколько стран за рубежом, писал о них стихи, но любовь в его творчестве примерно равноценна приключениям.**

ВЕЧЕР АКМЕИСТОВ

Акмеизм (от греч. акме – высшая степень чего-либо, расцвет, зрелость, вершина, острие) – одно из модернистских течений в русской поэзии 1910-х годов, сформировавшееся как реакция на крайности символизма. Акмеисты объединились в группу "Цех поэтов", в 1912-1913 гг. издавали журнал "Гиперборей". Главные идеи акмеизма были изложены в программных статьях Н. Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» и С. Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии», опубликованных в 1913 году в №1 журнала «Аполлон» (литературном органе группы в период ее расцвета), издававшемся под редакцией С. Маковского.

Детально разработанной философско-эстетической концепции акмеизм не выдвинул. Поэты разделяли взгляды символистов на природу искусства, абсолютизируя роль художника. Но они призывали очистить поэзию от использования туманных намеков и символов, провозгласив возврат к материальному миру и принятие его таким, каков он есть.

Для акмеистов оказалась неприемлемой импрессионистская тенденция к восприятию реальности как знака непознаваемого, как искаженного подобия высших сущностей. Акмеистами ценились такие элементы художественной формы, как стилистическое равновесие, живописная четкость образов, точно вымеренная композиция, отточенность деталей. В их стихах эстетизировались хрупкие грани вещей, утверждалась атмосфера любования бытовыми, привычными мелочами.

Основные принципы акмеизма:

- освобождение поэзии от символистских призывов к идеальному, возвращение ей ясности;
- отказ от мистической туманности, принятие земного мира в его многообразии, зримой конкретности, звучности, красочности;
- стремление придать слову определенное, точное значение;
- предметность и четкость образов, отточенность деталей;
- обращение к человеку, к "подлинности" его чувств;
- поэтизация мира первозданных эмоций, первобытно-биологического природного начала;
- переключки с минувшими литературными эпохами, широчайшие эстетические ассоциации, "тоска по мировой культуре"

Гумилёв:

Мы, русские, не можем считаться с французским символизмом, хотя бы уже потому, что новое течение акмеизм отдает решительное предпочтение романскому духу перед германским. Подобно тому, как французы искали новый, более свободный стих, акмеисты стремятся разбивать оковы метра пропуском слогов, более, чем когда-либо, свободной перестановкой ударений, и уже есть стихотворения, написанные по вновь продуманной силлабической системе стихосложения.

Я высоко ценю символистов за то, что они указали нам на значение в искусстве символа, но мы не согласны приносить ему в жертву прочих способов поэтического воздействия и ищем их полной согласованности. Этим мы отвечаем на вопрос о сравнительной "прекрасной трудности" двух течений: акмеистом труднее быть, чем символистом, как труднее построить собор, чем башню.

А один из принципов нового направления – всегда идти по линии наибольшего сопротивления.

Свои стихотворения читают Ахматова, Гумилёв и Мандельштам

Ты пожалела, ты простила
И даже руку подала мне,
Когда в душе, где смерть бродила,
И камня не было на камне.
Так победитель благородный
Предоставляет без сомненья
Тому, кто был сейчас свободный,
И жизнь и даже часть имени.
Всё, что бессонными ночами
Из тьмы души я вызвал к свету,
Всё, что даровано богами
Мне, воину, и мне, поэту,
Всё, пред твоей склоняясь властью,
Всё дам и ничего не скрою
За ослепительное счастье
Хоть иногда побыть с тобою.
Лишь песен не проси ты милых,
Таких, как я слагал когда-то,
Ты знаешь, я их петь не в силах
Скрипучим голосом кастрата.
Не накажи меня за эти
Слова, не ввергни снова в бездну,—
Когда-нибудь при лунном свете,
Раб истомленный, я исчезну.
Я побегу в пустынном поле
Через канавы и заборы,
Забыв себя и ужас боли,
И все условия, договоры.
И не узнаешь никогда ты,
Чтоб в сердце не вошла тревога,
В какой болотине проклятой
Моя окончилась дорога.

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.
Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!
Я обманут моей унылой
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый —
И я тоже. Умру с тобой!»
Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

«Вся Россия запомнит ту перчатку, о которой говорит у Ахматовой отвергнутая женщина, уходя от того, кто оттолкнул ее» -Чуковский

За гремучую доблесть грядущих веков...

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязи,
Ни кровавых костей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

1931 г.

Отзывы:

Василий Гиппиус:

«Голос, запевший в стихах А. Ахматовой, выдает свою женскую душу. Здесь все женское: зоркость глаза, любовная память о милых вещах, грация – тонкая и чуть капризная. Эта грация, эта не столько манерность, сколько видимость манерности, кажется нужной, чтобы закрыть раны, потому что подлинный лирик всегда ранен, а А. Ахматова – подлинный лирик».

Событие:

1) Создание «Цеха поэтов»

"Цех поэтов" был основан в октябре 1911 года в Петербурге в противовес символистам, и протест участников группы был направлен против магического, метафизического характера языка поэзии символистов. Возглавляли группу Н. Гумилев и С. Городецкий. В состав группы входили также А. Ахматова, Г. Адамович, К. Вагинов, М. Зенкевич, Г. Иванов, В. Лозинский, О. Мандельштам, В. Нарбут, И. Одоевцева, О. Оцуп, В. Рождественский. "Цех" издавал журнал "Гиперборей".

Название кружка, образованное по образцу средневековых названий ремесленных объединений, указывало на отношение участников к поэзии как к чисто профессиональной сфере деятельности. "Цех" был школой формального мастерства, безразличного к особенностям мировоззрения участников. Поначалу они не отождествляли себя ни с одним из течений в литературе, да и не стремились к общей эстетической платформе.

ДЛЯ КРИТИКОВ:

Блок-

Сразу же после свадьбы Блок заявил жене, что физическая близость может разрушить духовную связь. Подобное отношение к браку сформировалось у поэта не только под воздействием философских взглядов Вл. Соловьева, но и в результате личного негативного опыта: физическая близость ассоциировалась у Блока с проститутками, и поэтому воспринималась как нечто грязное и кратковременное. Позже отношения супругов все же перешли эту грань, но спустя два года прекратились вовсе. Менделеева тщетно умоляла мужа в письмах: «Милый мой, ненаглядный, голубчик, не надо в письмах целовать ноги и платье, целуй губы, как я хочу целовать долго, горячо».

Любовь Дмитриевна чувствовала себя ненужной мужу и, как она писала, «брошенной на произвол каждого, кто стал бы за ней упорно ухаживать». Она долго металась, но в 1907 г. решила прекратить отношения с Белым. Однако брак это не спасло. У Блока в это время случился бурный роман с актрисой Натальей Волоховой. Менделеева сама пришла к сопернице и предложила ей взять на себя заботы о поэте: «К Сашеньке нужен особый подход, он нервен, его дед умер в психиатрической лечебнице, да и мать страдает эпилептическими припадками, а он к ней очень привязан... В общем, решайте сами». На этом роман и закончился.

Поездка в Италию:

Видимо, далеко не случайно, что поездка Блока в Италию состоялась именно в 1909 г. "Еще в феврале месяце,- свидетельствовала М. А. Бекетова, - у Блоков зародилась мысль о весенней поездке за границу, в Италию; купаться в море, жариться на солнце, окунуться в итальянское искусство – все это давно привлекало обоих. Они изучали Бедекера и составляли маршрут круговой поездки (в библиотеке Блока сохранились путеводители К. Бедекера по Италии, в которых имеются многочисленные блоковские пометы). (...) Оба с наслаждением думали об отъезде, готовились стряхнуть груз многообразных и тяжелых впечатлений русской действительности, забыть политиканство, дразги, ссоры..."

Уже в Венеции Блок в значительной мере ощутил благотворное влияние Италии. В том же письме он отмечал: "Наконец-то нет русских газет, и я не слышу и не читаю неприличных имен Союза русского народа и Милюкова, но во всех витринах читаю имена Данте, Петрарки, Рескина и Беллини. Всякий русский художник имеет право хоть на несколько лет заткнуть себе уши от всего русского и увидеть свою другую родину- Европу, и Италию особенно".

Суть своего восприятия Италии Блок позднее сформулировал так: "Путешествие по стране, богатой прошлым и бедной настоящим, – подобно нисхождению в дантовский ад. (...) Италия трагична одним: подземным шорохом истории, прошумевшей и невозвратимой" ("Молнии искусства". СС-8 . С. 390). Ср. также высказывание Блока об Италии в письме к матери от 25 июня 1909 г.: "Это самая нелирическая страна – жизни нет, есть только искусство и древность. И потому, выйдя из церкви и музея, чувствуешь себя среди какого-то нелепого варварства".

По возвращении из-за границы Блок еще довольно длительное время находился под впечатлением от поездки, интересовался всем, что касалось Италии, ее истории, культуры, искусства. 1 декабря 1912 г. он отметил в своем дневнике, вспоминая 1909 г.: "После Италии было лето, когда мысль и жизнь были порабощены и сжаты Италией ... ". Это был период напряженного осмысления увиденного и пережитого за время путешествия

Есенин-

Встреча с Александром Блоком 9 марта 1915 года – один из важнейших рубежей в жизни Сергея Есенина. Сразу же после приезда в Петроград он, по сути дела никому не известный девятнадцатилетний юноша, передал Блоку записку с просьбой о встрече. Блок встретился с Есениным. И та оценка, которую стихи Есенина получили сначала у А.А. Блока, потом у С.М. Городецкого и других петроградских литераторов, положила начало его литературной известности.

В автобиографии Есенин написал: «Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что первый раз видел живого поэта».

Есенин прочитал ему свои стихи и получил рекомендательные письма для поэта Сергея Городецкого и влиятельного журналиста из «Биржевых ведомостей» Михаила Мурашова. А на есенинской записке Блок пометил для себя: «...стихи свежие, чистые, голосистые, многословный язык». Вскоре разнеслась молва, что в поэтической среде появился деревенский самородок, который талантливо слагает стихи о русской жизни. Так начался славный, хоть и короткий путь Сергея Есенина к популярности.

Те, кто знал его в Москве, отмечали, что по возвращении его было просто не узнать. Из застенчивого паренька он превратился в уверенного в себе и своем творчестве молодого человека, которого больше практически не терзали сомнения в том, что его ждет впечатляющее литературное будущее.

Есенин вступил в ряды имажинистов и подписался под Декларацией, отражавшей представления в основном Шершеневича и Мариенгофа, первый из которых был выходцем из околофутуристических кругов, второй тяготел к ним духовно. Этих новых приятелей Есенина нескрывая раздражал его «национализм», но им нужно было его громкое имя как знамя набирающего силу движения. Шершеневич в рецензии на «Ключи Марии» писал: «Эта небольшая книга одного из идеологов имажинизма рисует нам философию имажинизма, чертит то миропонимание новой школы, которое упорно не хотят заметить враги нового искусства. <...> Отмежевавшись от беспочвенного машинизма русского и итальянского футуризма, Есенин создает новый образ современной идеологии».

Стихотворение «**Исповедь хулигана**» было написано **Есениным** в 1920 году, во время увлечения поэта **имажинизмом**. Влияние этого литературного течения явно ощущается в произведении: метафоры, бьющие на необычность, смелые образы, сочетание литературных и простонародных слов, рваный размер в духе Маяковского.

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.
Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган.
Я нарочно иду нечёсаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потёмках освещать.
Мне нравится, когда камень брани
Летят в меня, как град рыгающей грозы,
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.
Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым дорог я, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрыхляет зелена.

Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня.
Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь бога и болотных недр.
О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!
Вы ль за жизнь его сердцем не индевели,
Когда босые ноги он в лужах осенних макал?
А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.

Мандельштам-

Мандельштам постоянно вспоминал высказывания Гумилева о том или другом стихотворении или примеривал, как бы он отозвался о новых стихах, которые уже нельзя было ему прочесть», вдова поэта касается и чисто литературных влияний: «...строчку «дурно пахнут мертвые слова» Мандельштам любил... И в «Восьмистишиях» есть реминисценции из Гумилева. Мандельштаму нравились куски из «Звездного ужаса» («Что за жертва с теменем разбитым»), а в одном из них он не узнал перефразы из Библии («страх, петля и яма»). Как и при всяком чтении поэтов, Мандельштам искал у Гумилева удач... «Из города Киева, из логова змиева» превратилось в «Киев-Вий» в одном из последних стихотворений Мандельштама. Однако отзвуки гумилевской поэзии можно найти не только в поздних мандельштамовских стихах (они обнаружены и в «Неизвестном солдате»), но и в ранних – вошедших в состав его первого сборника «Камень».

Из всех известных сборников Осипа Мандельштама «Камень» является наиболее интересным с точки зрения мировосприятия поэта, его жизненных ценностей и целей; к тому же именно «Камень» чаще всего ставится на первый план как объект анализа особенностей стилистики и лексики художественных поэтических текстов Мандельштама. Сборник полон размышлений автора (либо его лирического героя) о вечном, и временном, потустороннем и приземлённом, жизни и смерти, надёжности или непостоянстве всего сущего.

ВОСПОМИНАНИЕ 4

СОБЫТИЕ ВЫБОР

Дети: Ирина Пунина (дочь Николая), Виктор Ардов (драматург друг), Нина Ольшевская (его жена), Лидия Чуковская (подруга, мемуаристка), Софья Островская (орг, “подруга”, слежка НКВД, на протяжении всего события все время пишет в блокнот что-то).

Начинаю с представления всем всех.

АА: Ира, как там твой отец? Я ничего от него не слышала. После того, как Леву забрали переживаю за всех. Снова был арестован по обвинению “в терроризме и антисоветской деятельности”. В какое время мы живем...

Что-то отвечает девочка

АА: И то хорошо. Я никудашной матерью всю жизнь была, да и буду, но что могу - сделаю. 5 лет, вы себе можете представить? 5 лет в исправительных лагерях! Мне тут кое-что написалось недавно. Но и не знаю, читать или нет. Софочка, а что вы все пишете?

С: Да нет-нет, ничего. Вы что-то хотели прочесть? Я в нетерпении, Анна Андреевна!

АА: Вот и не знаю, читать ли мне, но называется “Реквием”, пока не все готово, да и личное очень.

1) Если дети решают читать, во время прочтения Софья Островская записывает дословно некоторые строки, Анна подмечает это и говорит “Уж не передавайте никому до выхода в свет”.

Это было, когда улыбался

Только мертвый, спокойствию рад.

И ненужным привеском болтался

Возле тюрем своих Ленинград.

И когда, обезумев от муки,

Шли уже осужденных полки,

И короткую песню разлуки

Паровозные пели гудки,

Звезды смерти стояли над нами,

И безвинная корчилась Русь

Под кровавыми сапогами

И под шинами черных марусь.

2) Если дети решают не читать, то сразу переходим к тому, что собираем передачку Льву. Собрав передачку, мы

выходим и завязываем глаза.

Переход

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слышала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

В 1944 Лев вышел из Норильлага и сразу ушел на фронт. Я же была с началом войны перевезена в Ташкент, где выступала в госпиталях, читала стихи раненым солдатам и жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте, и вернулась в северную столицу лишь летом 44-го года.

Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я описала эту мою с ним встречу в прозе... Проза всегда казалась мне и тайной, и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи — я никогда ничего не знала о прозе.

Казалось, все страшное уже позади, но мы ошибались. Прошло немного времени с возвращения, как Льва забрали снова. На 10 лет. Без предъявления обвинений.

Семнадцать месяцев кричу,

Зову тебя домой,

Кидалась в ноги палачу,

Ты сын и ужас мой.

Все перепуталось навек,

И мне не разобрать

Теперь, кто зверь, кто человек,

И долго ль казни ждать.

И только пышные цветы,

И звон кадилльный, и следы

Куда-то в никуда.

И прямо мне в глаза глядит

И скорой гибелью грозит

Огромная звезда.

Продолжение

АА: Я что-то должна сделать. Ну хоть что-то. Да, я ношу передачки, стою с матерями, сестрами, дочерьми. Но разве этого достаточно?

С: С твоим именем только записка писать. Да и кому?

АА: На имя Сталина.

С: (записывает) О чем? Зачем? Пойду заварю чай.

Когда Софья уходит, Анна обсуждает с детьми, что ей известно, что за ней следят, что каждый шаг ее передают, что она подозревает Софью, но доподлинно не знает ничего, и не знает, надо ли это узнавать, может лучше быть в неведении.

1) Решают узнать. Дети должны выведать у Софьи и заполучить блокнот, идут к ней, пока Анна пишет письмо.

Крадут/отвлекают, получают блокнот, в нем повременные записи и цитаты из произведений. Приносят Анне.

2) Решают не узнавать. Вместе пишут письмо на имя Сталина, прикладывают стихотворение:

Что начал Стокгольм — продолжала Варшава,

И миру звучит неумолчная слава,

Воздвигнуто зданье прочней пирамид.

И с каждой минутой все ярче горит

Тот светоч, зажженный народной волей,

Чтоб не было больше ни страха, ни боли.

Да здравствуют честные люди труда,

Да славится мир! Пусть везде и всегда.

Он узами дружбы скрепляет народы

И сеет прекрасные зерна свободы.

АА (Софье): Нравятся стихи? Ты опять записываешь.

С: Так я для себя.

АА: Давай я же тебе и запишу. Своей рукой.

С: Да нет, мне так разборчивее и понятнее. Пойду отправлю.

Анна говорит с детьми о произошедшем. Софья возвращается с письмом, где Лев упрекает ее, что она только для поэзии его использует, но ничем не помогает ему. В расстройстве Ахматова уходит.

ВЕЧЕР ФУТУРИСТОВ

Атмосфера: Вечер проходит в московском политехническом музее, во время “баттла” Маяковского и Северянина

Поэты (если поэта нет в дне, то за него прочитает “актёр”):

Северянин (“Весенний день”)

Маяковский (Отрывок из “Облаков в штанах”)

Кручёных (“Дыр бул щыл” и “Смерть художника”)

Бурлюк (“ПЛАТИ — покинем НАВСЕГДА...”)

Свои выступления футуристы называли «поэзоконцертами» или «стихобойней». Первым на сцену вышел Маяковский в черном костюме и с хлыстом в руках. Он обратился к зрителям:

«Милостивые государыни и милостивые государи! В каждом городе, куда бы ни приехали футуристы, из-под груды газетной макулатуры выползает черная критика, утверждающая, что за раскрашенными лицами у футуристов нет ничего, кроме дерзости и нахальства, и что во всех скандалах российских литературных кабаков виноваты только футуристы. Это неверно. В лице футуристов вы имеете носителей протеста против шаблона, творцов нового искусства и революционеров духа. Как недоваренное мясо застряла в зубах нудная поэзия прошлого, а мы даем стихи острые и нужные, как зубочистки»

Первыми выступают актёры, читают за Кручёных и Бурлюка

Крученых, “Дыр бул щыл”

Дыр бул щыл

убеш щур

скуп

вы со бу

р л эз

“Смерть художника”

привыкнув ко всем безобразьям

искал я их днём с фонарём

но увы! все износились проказы

не забытья мне ни на чём!

и взор устремивши к бесплотным

я тихо, но твердо сказал:

мир вовсе не рвотное —

и мордой уткнулся в Обводный канал...

Бурлюк, “Плати — покинем НАВСЕГДА...”

ПЛАТИ — покинем НАВСЕГДА уюты сладострастья.

ПРОКИСШИЕ ОГНИ погаснут ряби век

Носители участья

Всем этим имя человек.

Пускай судьба лишь горькая издевка

Душа — кабак, а небо — рвань

ПОЭЗИЯ — ИСТРЕПАННАЯ ДЕВКА

а красота кощунственная дрянь.

Маяковский зачитывает положения из “Пощёчины общественному вкусу”:

“Только мы — лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности.

Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней.

Кто же, доверчивый, обратит последнюю Любовь к парфюмерному блюду Бальмонта? В ней ли отражение мужественной души сегодняшнего дня? Кто же, трусливый, устрашится стащить бумажные латы с черного фрака воина Брюсова? Или на них зори неведомых красот? Вымойте ваши руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными Леонидами Андреевыми.

Всем этим Максимум Горьким, Куприным, Блокам, Соллогубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузьминым, Буниным и проч. и проч. — нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным.

С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество!

Мы приказываем чтить права поэтов:

1) На увеличение словаря в его объеме произвольными и производными словами (Слово-новшество).

2) На непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку.

3) С ужасом отстранять от гордого чела своего из банных веников сделанный Вами Венок грошовой славы.

4) Стоять на глыбе слова «мы» среди моря свиста и негодования.

И если пока еще и в наших строках остались грязные клейма Ваших «Здравого смысла» и «хорошего вкуса», то все же на них уже трепещут впервые зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого) Слова.”

Д.Бурлюк, Алексей Крученых, В.Маяковский, Виктор Хлебников

Москва, 1912. Декабрь

Северянин выходит к Маяковскому

Северянин: Всё, хватит! Я не хочу больше поддерживать нападки на старую литературу! Я буду выступать отдельно!

“Позор стране, поднявшей шуму
Вкруг шарлатанов и шутов!
Ослы на лбах, «пьеро»-костюмы
И стихотомы... без стихов!” (Поэза истребления)

Маяковский: А вы то поэт! И как вы свои женоподобные, надушенные стишки, что читаете нараспев, называете поэзией?

Северянин: А вы то судья?

Маяковский: Не верите мне, так спросите у любого! (В зал) Так кто же король поэтов? Будьте же с нами честны!

Критик: Ну точно не Северянин, кто же молчаливой публике напевает мотив из Амбруаза Тома?! Безусловно Маяковский, голос правды, будущего!

Гиппиус: Маяковский противен, но не без значения.

Критик: Да как же Маяковский!? Жалкий приспособленец, что лишь угождает желаниям новых хозяев! А вот Игорь Северянин-поэт с чистой душой.

Цветаева: Романтизм, идеализация, самая прекрасная форма чувственности, сравнимая с рукопожатием – слишком долгим и поцелуем – слишком лёгким, – вот что такое Игорь Северянин

Гиппиус: Северянин-подражательный, слабый поэт, обезьяна.

Критик: Конечно, девять десятых его творчества нельзя воспринять иначе как желание скандала или как ни с чем не сравнимую жалкую наивность. Там, где он хочет быть элегантным, он напоминает пародии на романы Вербицкой, он неуклюж, когда хочет быть изящным, его дерзость не всегда далека от нахальства.

Ахматова: А про стихи мои он говорит только “Не то, не то...” Вот только, не смотря, что выскочка, всё равно главный соперник Маяковского!

Критик: Оба они далеко не короли! Футуристы-пародия на настоящих поэтов, в чём же прок от стихов, что никто кроме них понять не может, не нужно нам такое будущее!

Северянин: Я требую честного голосования! Вы расскажете очередной свой хамский стих, а я зачитаю свой. Звание короля будет присуждено публикой всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием.

Маяковский: Пусть будет так! А кто начнёт? Или страшитесь?

Северянин: Вас?! Ни в коей мере!

Северянин выходит в центр, Маяковский уступает с характерным жестом, публика улюлюкает

Северянин, “Ещё не значит...”

Ещё не значит быть изменником –
Быть радостным и молодым,
Не причиняя боли пленникам
И не спеша в шрапнельный дым...

Ходить в театр, в кинематографы,
Писать стихи, купить трюмо,
И много нежного и доброго
Вложить к любимому в письмо.

Пройтись по Морской с шатенками,
Свивать венки из кризантэм,
По-прежнему пить сливки с пенками
И кушать за десертом крем –

Ещё не значит... Прочь уныние
И ядовитая хандра!
Война – войной. Но очи синие,
Синеите завтра, как вчера!

Война – войной. А розы – розами.
Стихи – стихами. Снами – снами.
Мы живы смехом! живы грёзами!
А если живы – мы сильны!

В желаньи жить – сердца упрочены...
Живи, надейся и молчи...
Когда ж настанет наша очередь,
Цветы мы сменим на мечи!

Хлопают Блок, Цветаева, критики

Маяковский, отрывок из “Облаков в штанах”

“Хорошо, когда в желтую кофту
душа от осмотров укутана!

Хорошо,
когда брошенный в зубы эшафоту,
крикнуть:
«Пейте какао Ван-Гутена!»

И эту секунду,
бенгальскую,
громкую,
я ни на что б не выменял,
я ни на...

А из сигарного дыма
ликерною рюмкой
вытягивалось пропитое лицо Северянина.

Как вы смеее называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!
Сегодня
надо
кастетом
кроиться миру в черепе!"

Хлопают Гумилёв, Мандельштам, Есенин и Гиппиус (но без особого энтузиазма, так типо "Хлоп...хлоп...хлоп), Ахматова максимум сидит и головой качает, меньше критиков хлопают

Две стороны стола, на которые надо положить бумажку. Налево-Маяковскому, направо-Северянину.

Маяковский с азартом наблюдает за голосованием и говорит друзьям: "Только мне кладут и Северянину! Мне налево, ему направо." Голосуют только поэты и критики, в это время в музей врывается пьяный Есенин.

Есенин: Короли..короли...Он король, вы король!
Северянин: А кто пустил сюда деревенского алкоголика?
Есенин: Я?! Я не алкоголик! Я...я поэт, Сергей Есенин! Я вам зачитаю...КХМ..Вы помните? Вы..
Северянин (перебивает): Выведите пожалуйста Сергея подышать свежим воздухом!
Маяковский: Ну что ты, Игорь, пусть читает!
Северин: Бог с вами..
Есенин: Так вот:

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу

Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь —
Корабль в плачевном состоянии...
(Письмо к женщине, отрывок)

Критик любой: Итоги голосования! *Объявляет победу Северянина*

В любом случае побеждает Северянин

Северянин, “Ретракт короля” (отрывок)

“Отныне плащ мой фиолетов,
Берета бархат в серебре:
Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.

Меня не любят корифеи —
Им неудобен мой талант:
Им изменили лесофеи
И больше не плетут гирлянд.

Лишь мне восторг и поклоненье
И славы пряный фимиам,
Моим — любовь и песнопенья! —
Недосягаемым стихам...”

ДЛЯ КРИТИКОВ

Есенин

3. Знакомство с Дункан

На одном из приёмов, организованных в её честь, Айседора Дункан познакомилась с Сергеем Есениным. Будучи за границей со своей женой Есенин заводил много новых знакомств, встречался с русскими эмигрантами. Результатом знакомства Есенина с А. Дункан и их путешествия по Европе стал цикл "Москва кабацкая". В нём сразу ощущается резкая смена интонаций, словаря, самого стиля обращения к женщине (не говоря уже о создаваемом женском образе), всей структуры и мелодии стиха. Как будто перед нами строки другого поэта. Дергающийся ритм, речитативный язык, вульгарная лексика, озлобленный цинизм - всё это ничем не напоминает той нежности, поэтичности, временами даже сказочности, которые звучали в его прежних стихах о любви. Здесь любовь низведена до плотского чувства, женщина обезображена, сам герой деморализован, и его прерываемая буйством тоска лишь в самом конце сменяется ноткой жалостливого раскаяния. Любовь больше не праздник сердца, она приносит человеку гибель, она губит его, словно чума:

Не гляди на её запястья
И с плечей её льющийся шёлк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашёл.
Я не знал, что любовь - зараза,
Я не знал, что любовь - чума.
Подойшла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

"Пой же, пой. На проклятой гитаре" (1922)

Так бы и потонуло это всё в пьяном угаре, в дикой музыке грубых страстей и жестоких оскорблений, если бы не порывы чистой душевности, не пронзительные нотки раскаяния, которые слышатся почти в каждом из звеньев "кабацкого" цикла.

4. Психушка

С 13 декабря 1923 г. по двадцатые числа марта 1924 г. в биографии С. Есенина отмечается как «больничный период». За это время поэт прошел лечение и медицинское освидетельствование в четырех клиниках. Есенин для больных и медперсонала санатория читал стихи. «Все очень хотели послушать стихи Есенина, — вспоминал Ф. Гушин. — Поэта не пришлось долго упрашивать, ему и самому чтение стихов доставляло большое эстетическое удовольствие.»

Подружился С. Есенин и с пионерами, которые, навещая больных, устраивали детские концерты. Он поддерживал начинающих юных поэтов, на их тетрадках ставил свою подпись «Сергей Есенин». Особенно Есенину понравилась пионерка Марина Ивановская. Ей он 19 января 1924 г. написал стихотворение «Как должна рекомендоваться Марина...».

Блок

3. Работа в комиссии по делам бывших царских министров

Работа А. Блока в комиссии привела поэта к мысли о том, что деятельность Временного правительства бесполезна. Чиновники, допросы которых вела Комиссия, в представлении Блока оказались той самой безответственной властью. Эти размышления и выводы имели для самоопределения Блока исключительное значение, можно привести целый ряд мелких и крупных цитат из стихов и прозы, прямо вытекающих из этих размышлений: например, слова Блока о «дорогой памяти трупа», которую чтут «толстопузые мешане», в незаконченном стихотворении «Русский бред» (1918–1919):

Есть одно, что в ней скончалось

Безвозвратно,
Но нельзя его оплакать
И нельзя его почтить,
Потому что там и тут
В кучу сбившиися тупо
Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память трупа...

4. Соглашение с советской властью, отказ от эмиграции, назначение Блока на множество должностей, творческое молчание и "меня выпили"

Поэт встретил Февральскую и Октябрьскую революции со смешанными чувствами, но отказался от эмиграции. В знаменитой поэме «Двенадцать» он пытался осмыслить Октябрьскую революцию через призму метафор. Произведение получилось неоднозначным и не смогло раскрыть конкретное отношение Блока к происходящему в стране.

Советская власть активно использовала влиятельное имя Блока в своих целях, назначая его на многие должности в различных государственных организациях. Зачастую сам поэт не знал о новых назначениях, но по понятным причинам не мог перечить власти и постепенно обрастал огромным объемом работы.

Отсутствие отдыха значительно подкосило здоровье Блока: обремененный ответственностью за порученные ему дела, поэт не имел возможности расслабиться. Свое состояние того периода он описывал словами «меня выпили».

«Почти год как я не принадлежу себе, я разучился писать стихи и думать о стихах...» — жаловался Блок в частном письме, написанном в 1919 году.

Мандельштам

3. переезд в квартиру Цветаевой, он ее любит, шурымыкры, а у нее есть муж, хотя они писали друг другу стихотворения

В начале войны Мандельштам в романтическом порыве рвался на фронт, но по здоровью не годился для службы в армии. В 1916-м патриотические страсти 1914 года казались уже смешными, но когда речь зашла об отсутствующем муже, Мандельштам почувствовал себя неловко: Эфрон на войне, а он сидит в его доме и намеревается признаться в любви его жене. Подъезжая к Арбату, Мандельштам собирался сказать об этом Цветаевой сразу, но теперь никак не мог решиться. Объяснить свое появление тем не менее надо: он кашлянул, потер подбородок и сказал, что давно собирался посмотреть Москву. Быть может, Марина Ивановна покажет ему свой город...

Так начался их странный роман, состоявший из приездов и отъездов.

Мандельштам приехал в Александров для последнего, решительного объяснения. Он был измотан тем, что происходило между ними в последние месяцы, а Марина относилась к нему с большой теплотой, но без всякого надрыва. В маленьком домишке с видом на кладбище, косогоры с пасущимися телятами и учебный армейский плац жизнь текла своим раз и навсегда установленным чередом — влюбленный поэт был здесь не слишком нужен. Когда он приехал, ему предложили прогуляться, но Мандельштам лег отсыпаться. Он попытался было сесть в единственное кресло, но оно предназначалось Цветаевскому племяннику Андрюше, других в него не пускали. Попросил шоколада — единственная плитка оказалась детской. Но это еще можно выдержать, куда хуже была неопределенность в отношениях. Осипа томило скверное предчувствие.

Во время следующей прогулки за ними погнался бычок — все четверо бежали от него во весь дух, такого ужаса он никогда раньше не испытывал. Все это казалось ему мистическими знаками.

Его любовные дела между тем шли на лад: в Александрове он впервые поцеловал Цветаеву — еще недавно, в Петербурге, Мандельштам был бы на седьмом небе от счастья. Но теперь это выглядело по-другому: маленький домик, овраги, черемуха, бабы, с воем провожающие на фронт новобранцев.

Он не думал о том, что здешняя жизнь могла успеть надоесть Марине, что это его шанс, которого больше может не представиться.

Большие поэты чувствуют не так, как обычные люди, то, что он здесь видел, представлялось не долгожданной возможностью завести роман, а знаком беды. Мандельштам поступил как Подколесин: сказал, что уезжает в Коктебель, к поэту Волошину.

Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы.
— Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминает те холмы...
Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим.
От монастырских косогоров
Широкий убегает луг.
Мне от владимирских просторов
Так не хотелось на юг...
Целую локоть загорелый
И лба кусочек восковой..
Я знаю — он остался белый
Под смуглой прядью золотой.
Целую кисть, где от браслета
Еще белеет полоса.
Тавриды пламенное лето
Творит такие чудеса.
Как скоро ты смуглянкой стала
И к Спасу бедному пришла,

Не отрываясь целовала,
А гордою в Москве была.
Нам остается только имя:
Чудесный звук, на долгий срок.
Прижми ж ладонями моими
Пересытаемый песок.

4. Гражданская война, встреча в кафе с надеждой хазиной, их скитания по советской россии (украина, россия и грузия) женитьба с хазиной и их арест в криму белогвардейцами

На известие о бомбардировке немцами Реймского собора Манделъштам откликнулся стихотворением «Реймс и Кельн»:

Шатались баини, колокол звучал –
Друг горожан, окрестностей отрада,
Епископ все молитвы прочитал,
И рухнула священная громада.

Здесь нужен Роланд, чтоб трубить из рога
Пока не разорвется Олифан.
Нельзя судить бессмысленный таран
Или германцев, позабывших Бога.

Но в старом Кельне тоже есть собор,
Неконченный и все-таки прекрасный,
И хоть один священник беспристрастный,
И в дивной целости стрелчатый бор.

Он потрясен чудовищным набатом,
И в грозный час, когда густеет мгла,
Немецкие поют колокола:
– Что сотворили вы над реймским братом?

Надежда Хазина и Осип Манделъштам познакомились 1 мая в Киеве, в клубе с оригинальным названием «Х.Л.А.М», который пользовался невероятной популярностью в творческой среде. На дворе стоял тревожный 1919 год, а Осип Манделъштам, едва переступив порог заведения, обратил внимание на хрупкую девушку. Ей было 20, ему 28, они мгновенно почувствовали взаимную симпатию и не стали ей противиться. «Сошлись легко и бездумно», – именно так опишет впоследствии Надежда Яковлевна их первую встречу.

Уже утром 2 мая они купили два простеньких обручальных кольца и были счастливы до тех пор, пока Осипу Манделъштаму не пришлось уехать из Киева. Правда, покидая город в августе 1919 года, он обещал непременно вернуться за своей Наденькой. Он писал ей письма, называл своей радостью и мечтал о новой встрече.

Лишь спустя полтора года они встретились вновь, чтобы теперь уже не расставаться. 9 марта 1922 года они стали мужем и женой.

Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин;
Острый нож да хлеба каравай...
Хочешь, примус туго накачай,
А не то веревок собери
Завязать корзину до зари,
Чтобы нам уехать на вокзал,
Где бы нас никто не отыскал.

Надежда Яковлевна занималась редактурой, а Осип Эмильевич переводил стихи зарубежных авторов. А в 1934 году в их дом пришла беда. Кто-то донёс на Манделъштама, сообщив «куда следует», что Манделъштам написал антисталинскую эпиграмму. Ночью 17 мая 1934 года его арестовали.

Осипа Манделъштама выслали в Чердынь на три года, а Надежде позволили сопровождать мужа в ссылку. Затем супругам позволили самостоятельно выбрать себе город для проживания из списка разрешённых. Они выбрали Воронеж. И снова Надежда, как могла, пыталась скрасить существование мужа. Она создавала уют, переписывала его стихи и безропотно терпела крайнюю нужду. Ссылка закончилась, и супруги в мае 1937 смогли вернуться в Москву. Не прошло и года, как Манделъштама арестовали вновь. Снова ночь и снова в мае, на этот раз в ночь с первого на второе. Его приговорили к пяти годам лагерей.

ВОСПОМИНАНИЕ 5

Квест 5 Иммиграция в Париж + смерть

Помещения: комната в доме, улица, комната в лаборатории

Люди: 2 человека

5 минут - собираем вещи в чемодан, рассказ об отношении к революции и о том как границу пересек Мережковский

Стихотворение перед

Простят ли чистые герои?
Мы их завет не сберегли.
Мы потеряли все святое:
И стыд души, и честь земли.

Мы были с ними, были вместе,
Когда надвинулась гроза.
Пришла Невеста. И невесте
Солдатский штык проткнул глаза.

Мы утопили, с визгом споря,
Ее в чану Дворца, на дне,
В незабываемом позоре
И в наворованном вине.

Ночная стая свищет, рыщет,
Лед по Неве кровав и пьян...
О, петля Николая чище,
Чем пальцы серых обезьян!

Отношение к революции

Мережковские приветствовали Февральскую революцию 1917 года, полагая, что она покончит с войной и реализует идеи свободы, провозглашённые ими в работах, посвящённых Третьему завету, восприняли Временное правительство как «близкое».

Октябрьская революция ужаснула Мережковского и Гиппиус: оба восприняли её как воцарение «царства Антихриста», торжество «надмирного зла». В дневнике поэтесса писала: «На другой день <после переворота>, черный, темный, мы вышли с Д.С. на улицу. Как скользко, студено, черно...Подушка навалилась -- на город? На Россию? Хуже...»

«Не было в истории. Все аналогии — пустое. Громадный город — самоубийца. И это на глазах Европы, которая пальцем не шевелит, не то обыдиотев, не то осатанев от кровей. На улицах гробовое молчание. Не стреляют. Не в кого. Не сдирают шуб. Все содраны. Зверей зоологического сада еще не подошедших кормят свежими трупами расстрелянных. Но не все трупы отдают. А какой помоложе продают. Под видом телятины. У нас на Сенном рынке.»

Гиппиус всё ещё имела возможность печатать антибольшевистские стихи в сохранившихся газетах.

Как Мережковский пересек границу?

Зимой 1919 года Мережковские и Философов начали обсуждать варианты бегства. Получив мандат на чтение лекций красноармейцам по истории и мифологии Древнего Египта, Мережковский получил разрешение на выезд из города, и 24 декабря четверо (включая В. Злобина, секретаря Гиппиус) со скудным багажом, рукописями и записными книжками - отправились в Гомель (писатель при этом не выпускал из рук книгу с надписью: «Материалы для лекций в красноармейских частях»). Путь был нелёгким: четверым пришлось перенести четырёхсуточный путь в вагоне, «полном красноармейцами, мешочниками и всяким сбродом», ночную высадку в Жлобине в 27-градусный мороз.

Деятельность

Параллельно с рассказом собираем вещи в чемодан. Изначально с нами орг, который тоже хочет покинуть страну.

10 минут - пересекаем границу

Выходим из дома сразу маскируемся. Видим границу и пограничника, который ее охраняет, он сонный, но все еще является преградой. Придумываем план как отвлечь пограничника. Один ребенок должен отвлечь пограничника, придумать историю что кому-то стало плохо и оправдание что он тут делает, мы в это время остальные открывают ворота и уходят, пограничник это замечает и убивает орга который с ними был с нами с начала. Мы скорбим по нему и отправляемся в поезд (лабораторию). Это грузовой поезд там стоят коробки, мы начинаем поездку, через какое-то время приходят пограничники и останавливают поезд и проверяют его, мы должны спрятаться. Пограничники нас не находят. Мы приезжаем в Париж. По приезде радуется и говорит о том, что начинается новая жизнь. Они с мужем как раньше создадут литературное общество, снова создадут гостиную и будут организовывать литературные вечера.

Завязываем глаза и начинается словеска. В процессе завязывания глаз рассказывает:

Так и случилось. Эмигрировав в Париж мы с мужем создали новое воскресное литературно-философское общество, которое было названо “Зеленая лампа”. Пламя нашей Лампы светит сквозь зелёный абажур, вернее, сквозь зелёный цвет надежды. Собрания посещало большое количество творцов эмигрантов. В числе завсегдаев были И. А. Бунин с супругой, Б. К. Зайцев, М. А. Алданов, А. М. Ремизов, В. Ф. Ходасевич, Н. А. Тэффи: они занимали место в первом ряду.

Полувядших лилий аромат

Мои мечтанья легкие туманит.

Мне лилии о смерти говорят,

О времени, когда меня не станет.

Мы были вместе неразлучно 52 года. Не расставались не на день. Засыпали и просыпались вместе. Стоило нам расстаться на несколько часов как произошла непоправимая история. Димитрия уговорили выступить на Парижском радио. Франция уже была оккупирована фашистскими войсками. В своем выступлении Мережковский высказывался о том, что приветствует нападение Гитлера на советскую Россию. Мы оба ненавидели этот проклятый режим. Он надеялся, что это приведет к краху большевистского режима, к освобождению. Узнав об этом выступлении, я сразу подумала: «Мы погибли». Мне был всегда противен Гитлер. Я называла его ничтожеством с мышью под носом.

Мы сполна расплатились за эту роковую ошибку. Оставшиеся свои годы мы жили в бедности и унижении. Вскоре он оставил меня одну на этом свете. Моя последняя любовь ушла вместе с ним. Осталась только пустота и одиночество. Пережила я его лишь на четыре года. Проблемы со здоровьем, от которых он меня спас, вернулись. Вопреки указаниям врача я вышла на улицу в дождливую погоду. Мне надо было сходить к парикмахеру. Из-за это пошли осложнения. Меня похоронили вместе с ним. На русском кладбище в Париже. Там мы снова оказались вместе. Меня не стало. Но остались мои стихи. Мои творенья. Они и не умрут. Пронесутся сквозь года. Будут звучать всегда.

Песня:

Полувядавших лилий аромат
Мои мечтанья легкие туманит.
Мне лилии о смерти говорят,
О времени, когда меня не станет.

ВЫВОД